

М. Грин

Устами Буниных

**Дневники Ивана Алексеевича и Веры
Николаевны и другие архивные материалы. Том
2**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
М11

М11 **М. Грин**
Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы. Том 2 / М. Грин –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 319 с.

ISBN 978-5-458-24926-3

ISBN 978-5-458-24926-3

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Во второй том этой книги входят дневниковые записи первого периода эмигрантской жизни Ивана Алексеевича и Веры Николаевны. Начинаются они с приезда Буниных в Париж весной 1922 года, кончаются получением Буниным Нобелевской премии по литературе в конце 1933 года.

Редактируя дневники, я соблюдала особенности правописания авторов и их знаки препинания. Орфография изменена на новую. Подчеркнутое набрано курсивом.

Печатать дневники полностью не было возможности — это увеличило бы издание на много томов. Пришлось делать сокращения, которые обозначены многоточием и взяты в квадратные скобки, как и редакторские примечания. Фамилии объяснены не все, без объяснения оставлены как некоторые общеизвестные фамилии, так и фамилии людей, лишь мельком упоминаемых.

★

Приношу свою глубокую благодарность профессору D. Ward, моему многолетнему начальнику и коллеге. Без его помощи это издание не осуществилось бы. Он приложил все усилия обеспечить мне финансовую помощь, поддерживал меня морально и давал дельные советы.

Чувствую себя благодарно обязанной Эдинбургскому университету, который щедро помог мне, дав заем на издание книги. Благодарю за субсидию Carnegie Trust for Scottish Universities. Батюшке о. Иоанну выражаю признательность за тщательную переписку рукописи, а моей коллеге Э. И. Вознесенской — за помощь в чтении корректуры и советы. Моей бывшей студентке Пенни Стир приношу благодарность за то, что она разобрала отелльные счета, хранящиеся в бума-

гах Буниных, и установила даты заграничных поездок Бунина.

Благодарю Р. Б. Гуля и Вл. Д. Соколова-Самарина, любезно указавших мне на некоторые ошибки и оплошности, вкравшиеся в мою публикацию отрывков из дневников И. А. Бунина в «Новом журнале».

С особой благодарностью поминаю покойного Леонида Федоровича Зурова, многолетнего хранителя дневников, доверившего их мне после смерти.

Издательство «Посев», в частности А. Н. Артемову, благодарю за советы и помощь в подготовке рукописи к печати.

Милица Грин

Часть третья

Ч У Ж Б И Н А

[Парижские записи открываются рукописным дневником Веры Николаевны, из которого даю выдержки. Из записей Ивана Алексеевича за 1920 год сохранилась только одна. Ее приведу своевременно.]

1920 (*продолжение*)

22 марта/4 апр.

Неделя в Париже. Понемногу прихожу в себя, хотя усталость еще дает себя чувствовать. Париж нравится [...] Устроены превосходно¹. Хозяева предупредительны, приятны и легки, и с физической стороны желать ничего не приходится, а с нравственной — тяжело. Нет почти никаких надежд на то, чтобы устроиться в Париже. Вероятно, придется возвращаться в Софию. За эту неделю я почти не видела Парижа, но зато видела много русских. Только прислуга напоминает, что мы не в России.

Сегодня за обедом были Фондаминские². Оба мне нравятся. Он приятный, хорошо разбирающийся во всем человек. [...] Фондаминский говорит, что здесь не верят тому, что рассказывается о большевиках. [...] не только французы, но и русские, кот[орые] не жили при большевиках, не хотят даже узнать, что такое большевики, и твердят, что [...] там много идеи и красоты. [...]

Толстые³ здесь, очень поправились. Живут отлично, хотя он все время на краю краха. Но они бодры, не унывают. Он пишет роман. Многое очень талантливо, но в нем «горе от ума». Хочется символа, значительности, а это все дело портит. Это все от лукавого. Все хочется — лучше всех, сильнее всех, первое место занять. [...] Было чтение. Народу было много. Всем роман понравился. Успех очевидный. [...]

Был Шполянский⁴. [...] Уверяет, что в Софию нам возвращаться не придется.

23 [марта]/5[апреля]

[...] Фонд[аминский], М. С. [Цетлина. — М. Г.] и многие другие родились и учились в Москве, [...] потом уехали в университет в Германию. Вернулись к 1905 г. уже соц.-револ[юционерами], потом тюрьма, ссылка, эмиграция. Все видели, кроме слона, т. е. народа.

25 марта

День рождения М. Сам. Она получила массу цветов. Целые деревья роз. Все одеты изящно, в шелковых чулках, столичных башмаках. [...]

27 м./9 апр.

Вчера были на 12 Еванг[елиях]. Церковь очень большая, была полна. Масса русских говеют. Было грустно и тяжело.

[...] говорили о книгоиздательстве. Гальперн⁵ находит, что деньги собрать легко. [...]

30 м./12 апр.

К Заутрене ходили, но войти в церковь не было возможности: теснота была невообразимая. [...] Разговляться мы отправились к Люб. Серг. Гавронской. Там уже были Вишняк⁶, Марья Сам., но не было Керенского, кот. должен был быть. Он не пришел. [...] Немного спорили на политическую тему, но принимали

участие в разговоре только Ян, Авксентьев⁷, а Руднев⁸ и Зензинов⁹ не проронили ни слова. Зензинов производит впечатление очень упорного и узкого человека. [...]

14/1 апр.

[...] Ян в очень дурном настроении. [...] На первый день [Пасхи. — М. Г.] мы были в посольстве. Ездили есть пасху к Марусе Маклаковой. Она была в черном платье, возбуждена приемом. Народу было много, все Толстовский мир: какие-то графы, графини, князья — все бывшие люди, но еще не утратившие своего положения в «свете». [...] Ян долго беседовал с Вас. Ал.¹⁰ о русских делах. [...]

17/4 апреля

Вечером едем к Чайковской¹¹, там будет Савинков¹². Наконец, мы увидим этого героя, ныне ругаемого со всех сторон.

Сегодня за завтраком Зензинов сказал Яну: — Можно прислать Вам одну книжку? Но не подумайте, что я хочу Вас пропагандировать. Ян: Да, меня трудненько пропагандировать. Зензинов: Нет, нет, я только хочу показать Вам человек[еский] документ. Ян: Вероятно, что-нибудь о Колчаке? Зензинов: Да, именно.

Вчера Мих. Ос. [Цетлин. — М. Г.], Толстой и Ян были вечером у Львова. [...] Говорили об издательстве. [...] с маленькими деньгами начинать не имеет смысла. В Берлине затевается книгоиздательство, основной капитал 8.000.000 марок. Они хотят приготовить русские книги для будущей России. [...] Ян возражал, говоря, что можно и здесь устроить книгоизд., т. к. здесь можно собрать хороший букет из современ[ных] писателей. [...] Редакторами намечаются Ян, Толстой и Мих. Ос. [...]

18 апр./5 [апр.]

[...] Савинков, лысеющий мужчина среднего роста

с маленькими ступнями [...] очень некрасивый, с плохой кожей, с надутыми жилами на лбу [...] Почти весь вечер он пил коньяк и разговаривал с сестрой Маршака. Даже когда приехали Ян и Толстой, он не пошел к столу, а оставался в гостин[ой]. [...] Зашел общий разговор о политике. Сообщалось, что Врангель назначил министром иностр. дел Струве¹³, что Кривошеин будет послом. Савинков сказал: — Мы не признаем их. И я пожал Сазонову руку сегодня, ибо мы солидарны с ним на этот раз. [...]

Сав[инков] 2 раза повторил адрес, чтобы мы не забыли. Яну он дважды пожал руку. Вероятно, он очень самолюбивый человек. [...] раньше щупает почву, а потом уже начинает общаться.

19/6 апреля.

[...] Вчера, очень волнуясь, Мих. Ос. сказал Яну, что он окончательно пришел к заключению, что не может принимать участие в книгоиздательстве. [...] М. С. [...] сказала мне, что причина Толстой. Но более подробно она ничего не объяснила.

После этого мы решили пойти к Толстому на новую квартиру. Квартирка маленькая, но светлая, с чудесным видом на Сену и левую часть Парижа, расположение комнат тоже хорошо. [...] Ал. Н. спал, но скоро проснулся. Мы рассказали об отказе М. Ос., он объяснил это тем, что М. Ос. испугался того, что слышал о немецком книгоиздательстве. [...]

За обедом был Ларионов¹⁴. [...] Самую простую вещь он объясняет так запутанно, что трудно понять.[...]

21 апр./8 апр.

Обедали вчера у Толстых с Набоковым¹⁵. Набоков, очень хорошо по внешности сохранившийся человек, произвел на меня впечатление человека уже не живого. Он очень корректен, очень петербуржец. [...] Разговор шел на политические темы, между прочим, о царе.

Про Николая II он сказал, что его никто не любил и что сделать он ничего не мог.

[...] Вчера за обедом Толстой очень бранил Савинкова: «Он, прежде всего, убийца. Он умен, но он негодяй». [...] он рассказывал им о своей поездке в Варшаву: — Да, вот мы с Пилсудским полагали так. Тут будут стоять его войска, а здесь мои (!). Потом заговорили о «Бледном Конне». Толстой говорит, что редактировал его Мережковский¹⁶. [...]

23/10 [апреля]

[...] Был Алексинский¹⁷, который пригласил Яна участвовать в «Мерсиге». Кроме того он сообщил о книгоизд. в Стокгольме, во главе которого стоит Ляцкий. [...] Заговорили о большевиках. О Ленине он сказал, что он презирает людей. Луначарский — пустоцвет, Троцкий — просто гадина. Горький — неискренний. — Алексинский сидел несколько месяцев в тюрьме. Его бывшие товарищи подослали одного каторжника задушить его. [...] Спасла сестра милосердия. [...]

24 апр./11 апр.

Присутствовала на заседании в редакции «Грядущая Россия». Все они редактора никакие. Ян кое-что советовал нужное и дельное. Ал. Н. [Толстой. — М. Г.] перескакивал с одного предмета на другой. [...]

Ян говорит, что ему странно здесь слышать, как говорят о Керенском, в России нет о нем двух мнений. Если бы шли рядом Керенский и Ленин, то растерзали бы сначала Кер[енского].

26 апр./13 апр.

Вчера были в музее Онегина. И трогательно, и печально, и как настоящее, нужное мешается с пустяками, ненужным. Онегин — глубокий старик, с неприятным характером, от старости, от заброшенности, от недостатка денег для музея. [...]

28 апр./15 апр.

[...] Вчера были у Толстых по случаю оклейки их передней ими самими. Пили вино. Толстой завел интересный разговор о литературе, о том, стоит ли вообще ему писать. Говорили о том, что литература теперь заняла гораздо более почетное место, чем это было раньше. [...] Все поняли, что литература — это в некотором роде хранительница России. Потом говорили об иррациональном в искусстве. Ян считает, что хорошо в искусстве не то, что иррационально, а что передает то, что хотел выразить художник. Приводил Фета, Ал. Толстого и др. Потом заговорили о Льве Николаевиче Толстом. [...] Письмо от Гессена¹⁸ просит Яна продать свои сочинения в Берлин.

17/30 апреля.

Обед у Львова, Стаховича и Вырубова был необыкновенно приятен. Кроме нас и хозяев, был еще Балавинский, [...] затем Орлов-Давыдов, знаменитый своим делом с Пуарэ. [...] Потом приехал Гальперн. Он из Лондона. [...]

Чудная квартира Нарышкиных (которые застряли в Совдепии), с фамильными портретами, с лакеем Иваном — все это напоминает мне времена очень далекие. [...]

Оказывается, Стахович страстный поклонник Горького. [...] Марья Самойловна, Ян, Ал. Н. [Толстой. — М. Г.], Мих. Ос. [Цетлин. — М. Г.] и я говорили приблизительно так: «У Горького литературный талант большой, но художественного почти нет. Слава его обусловлена тем, что он писал в предреволюционное время, и кроме того, очень умелая реклама». Остальные или молчали, или говорили как раз обратное. [...]

2 мая/19 апр.

Были у Толстых, а вечером Толстые у нас. Ал.

Ник. читал свои стихи. Он читает хорошо и хорошеет сам. Ян прочел свои 2 рассказа: «Сказка» и «Последний день».

10 [мая]/27 [апр.]

[...] Шурочка [дочь Цетлиной от брака с Авксентьевым. — М. Г.] вчера спросила меня: «А вы после лекции уедете от нас? Я уже привыкла к вам». — Что это значит? Может быть, правда пора переселяться? Я с наслаждением переселилась бы в крохотную квартиру, сама бы готовила и никого бы не видала. Я чувствую, что устала от людей, от вечного безденежья, от невозможности жить, как хочется. Кажется, я всего счастливее чувствовала себя на кухне в Софии.

17/4 мая.

[...] Лекция Яна, несмотря на забастовку такси, состоялась и было народу довольно много. Но публика была непохожа на одесскую, когда вся аудитория сливалась с читающим и когда, после окончания, долго стоя, приветствовали его аплодисментами. Здесь хлопали мало и публика была очень разношерстная, большей частью отвыкшая от России, большевизм представляющая себе слабо. Но много было и известных людей: кн. Львов, Стахович, Вырубов, Рудневы, Авксентьев, Вишняки, Роговский, Алексинские, Маклаковы, м-ме Сталь, Бурцев, Орлов-Давыдов, Балавинский и много других. [...] Времени было всего два часа, а Яну нужно прочесть и о революции, и рассказ. [...]

Вечер у них [Савинковых. — М. Г.] был один из самых интересных в Париже. [...] Его программа «Родина, Демократическое управление и Частная собственность» [...] он говорил, что считает, что нужно дать землю крестьянам и возможность работать, чтобы они могли жить лучше, богаче. А до всяких идеалов ему дела нет, с чем с ним не соглашался Толстой. [...]

В воскресенье были у Алексинских. Он дышит злобой к Савинкову, обвиняет за польский вопрос, за отношения с Пилсудским. [...]

8 июня.

Последние дни у нас ушли на поиски квартиры. Утомлены очень. Масса впечатлений. [...] Переселяемся в комнаты, которые будут очень жаркими. Левый берег Яна тоже не привлекает. [...] Из фонда Яну предложено 3000 рублей. Он принял деньги, хотя мне очень тяжело. Одно утешает, что 1000 рублей он отдал М. С. [...]

15 июня. Отель Св. Отцов.

Завтракали в Café Voltaire, куда мы были приглашены Струве. Нас было четверо: П. Б., его сын и мы. В этом доме жил Камилл де Муллен, а в этом ресторане часто бывал М. М. Ковалевский, а в 1915 г. Струве тут совещался с Милюковым¹⁹. [...] Струве человек обаятельный, он остроумен и тонок. [...] П. Б. расспрашивал Яна о планах. Ян говорил, что чувствует себя слабым, больным, в большой нерешительности. Больше же всего ему хотелось бы уехать в Россию. П. Б. сказал: «Нет, Вам туда рано, подождите». Мне кажется, что П. Б. относится к Яну любовно и хочет сохранить его для будущего. [...] П. Б. предлагал Яну стать во главе национальной лиги. Он хочет основать во всех европейских центрах отделения. Ян просил прислать ему программу. [...]

2 июля/19 июня

Все время, живя у Святых Отцов, вертимся как угорелые. [...] Больше всего за это время я виделась со Струве и больше всех он нравится мне. [...] как будто ничего не видит, а в то же самое время очень наблюдательный и одним словом может определить человека. Можно сначала думать, что обойти его легко, а между